

ПАНК РОК ФЕМИНИЗМ

привет!

это первый номер зина «панк-рок-феминизм» и что-то типа редакторской колонки.
для начала расскажем «что-почём».

какие идеи у зина?

ну, во-первых, мы все любим панк-рок, хотя у каждой он свой.
мы все очень разные. и в этом номере очень много разных мнений, много разного панк-рока.
во-вторых, нас объединяет желание самовыражения, уважение к чужому опыту, стремление к ненасильственному общению и нетерпимость к иерархиям и несправедливости. иногда такой набор называют правами человека. и зин можно было бы назвать «панк-рок — права человека».
но ещё нас объединяет «феминизм» — мы видим, мы чувствуем сексизм, видим и ощущаем несправедливость в действиях и в отношении к женщинам, мы против этого всего и хотим об этом говорить.

причём тут панк и феминизм?

панк всегда был заодно с феминизмом, круша замшелые общественные устои и создавая новые высказывания. если вы этого не замечали, продолжайте читать наш зин. исторические экскурсы мы тоже планируем.
панк — радикальная форма самовыражения. выступая против иерархий, он не требует эталонного профессионализма и поэтому очень доступен. и так посчитали и считают до сих пор множество женщин и квир-людей, которые избрали панк своим голосом и формой заявления о себе и своём мнении. и своим примером они вдохновили других делать так же. нас, конечно, тоже вдохновили.
немного странно, что в 2018 году панк остаётся мужской сферой.
но если присмотреться и поразмышлять, то, к сожалению, особо

не странно. как бы ни хотел панк-рок казаться прогрессивным, как бы ни стремились панки рвать шаблоны, бросать вызовы обществу и создавать новую культуру, базовые гендерные установки почему-то берут вверх. и кто-то, оказывается, должен без помех думать о высоком и быть свободным, а кто-то должна выслушивать, понимать, бренно варить борщ и заботиться о детях. кто-то поёт песни и играет, а кто-то подтанцовывает.

про это уже говорили сто раз, и это уже не интересно!

значит, сто раз маловато. хотя столько раз не припомним. но материалы о том, как, кто, когда и в какой форме говорит и говорила/говорил о феминизме и панк-роке может пригодиться в следующих номерах.

как и где найти зин?

нам важно было сделать зин печатным, чтобы раздавать на концертах, и бесплатным, чтобы как можно больше людей смогли его прочитать. первый номер вышел в апреле 2018 г.
далее до исчерпания тиража зин можно будет увидеть на разных концертах. если вы хотите распространять зин на концертах в вашем городе, пишите на femclubfemclub@gmail.com
электронная версия зина будет доступна для скачивания, чтения и самостоятельной печати.

кто наши авторки?

мы распространили призыв присылать материалы для зина и всё, что нам прислали, вы видите в этом номере. Таня Волкова взяла несколько интервью у своих знакомых музыканток. кстати, брать интервью у своих подруг и знакомых — это очень классно! отличный способ узнать человека поближе и другим дать узнать. чтобы брать интервью, не обязательно быть журналисткой или писательницей, а чтобы ответить на вопросы, не нужно быть кем-то знаменитой. для авторок статей тоже нет ограничений. любое

высказывание ценно. единственной рамкой является разделение общих идей, которые мы описали выше.
да, авторки! мы считаем, что феминитивы — это по-панковски. хотя вы можете написать нам и без них.

мы написали, что номер первый, значит, мы не хотим останавливаться.
и второй номер мы точно сделаем.
присылайте нам статьи, заметки, письма, рисунки, фотографии и всё, что вы хотите показать другим, на femclubfemclub@gmail.com
если вы узнали женщин на обложке, напишите об этом тоже.

над зином работали:
Таня Волкова (редактура),
Настя Вепрева (вёрстка, дизайн),
Катя Бахренькова (редактура),
Василиса Сатирская (корректура).

Если ты получила или получил этот журнал на концерте и задаешься вопросом о том, что это такое и для чего тебе его дали, то эта статья для тебя (если нет, то можешь сразу перелистнуть страницу).

Традиция феминистских зинов или самиздатов стара, как и панк. Первые зины появились в 70-х, и их так же раздавали на панк-концертах. Первый принцип таких журналов заключается в том, что если тебе есть что сказать, то ничто не может тебя в этом ограничить. Просто сделай свой журнал по D.I.Y. Второй принцип — это горизонтальная коммуникация: в создании зина может поучаствовать любой желающий. Например, для создания этого авторы идеи вывесили открытый призыв в соцсетях, и то, что ты держишь в руках, это коллективный труд людей, многие из которых не знакомы.

О чем этот зин? Он о женском панк-роке с разных сторон. Независимая музыкальная сцена всегда ассоциировалась со свободой от стереотипов и двойных стандартов, но так ли это на самом деле? Наше общество остается патриархальным, и женщина в нем воспринимается как мать или как примерная дочь-отличница, но никак не основательница своей музыкальной группы или яростная фанатка панк-рока. Ты можешь с этим не согласиться, сказав, что лично знаешь кучу женщин, ломавших этот стереотип. Но не будем лукавить, ведь если им пришлось его ломать, значит, он был и есть. Даже здесь, среди музыкальной тусовки, часто считается, что девушка — это красивое приложение. А сколько девушек сталкивается с хамским отношением к себе или подвергается угрозе изнасилования? Мужчины могут этого не замечать, но в случае, если такое происходит, то у нас обычно обвиняют жертву: она ведь пришла на концерт, была в короткой юбке и даже выпила кружку пива, а значит, наверняка была согласна. Знакомая история, неправда ли? Вот почему мы делаем этот зин.

Настоящий панк всегда шел рука об руку с неприятием иерархий и традиций, которые ограничивают свободу самовыражения людей. Панк — это протест против капитализма, бездумного использования экологических ресурсов, загнивающих стереотипов и патриархата. Можно поставить здесь кучу запятых, и далее каждый впишет своё.

Елена Безрукова / Фонд Розы Люксембург (одной женщины, которая уж точно сломала стереотипы)

Анна Иванова:

РОК ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

«Занятие парней — это рок-н-ролл, занятие парней — это кастеты» — пела в 1988 году ленинградская группа «Объект насмешек». Женщины в этой схеме могут быть либо обывательницами, живущими в уютном домашнем мире норм и семейных предписаний («ты продала мою гитару и купила себе пальто»), либо Прекрасными Дамами, ради которых герой совершает свой подвиг («брал острую бритву и правил себя»).

Но женщины самовольно вступили на андерграундную сцену так же, как когда-то самовольно вступили в высокую литературу. Женщина, которая ощущает, как живет внутри истории и общества, чувствительная к двум важнейшим вещам: быту и насилию. Повседневность — женская работа — наполняла еще стихи американской поэтессы Эмили Диккенсон: клубочки, комодики, домашние заготовки с ее легкой руки тоже стали частью поэзии. Семейное насилие («муж хлестал меня узорчатым, вдвое сложенным ремнем») — такая же часть женского катакомбного слова, как для мужского — травма войны. Но нельзя не чувствовать, что насилие семейное переходит в государственное — именно поэтому после прогулки по трамвайным рельсам дома ожидают «синие фуражки».

Вырваться из этого круга вязкого домашнего быта и диктатуры предписаний, подкрепленных полицейской палкой, можно двумя способами: придумать личные стратегии раскрепощения или заговорить о свободе для всех, о невозможности дышать воздухом насилия и разложения.

Можно сделать нестыдным мир «сладких апельсинов» (Земфира), утвердить право быть «плохой девочкой» или вредной старушкой («Умка», «Серебряная свадьба»), на то, чтобы выражать любовь и быть смешной и слабой (как, например, Наталья Пивоварова или Жанна Агузарова, примерявшие образы «не от мира сего»).

Политическое слово связано с уходом к общемировому сиротству, горькой народной песне. Поговорочками и народными мудростями изъяснялась Янка Дягилева, чувствовавшая в самом языке человеческую тюрьму. Боль от невозможности говорить выражается в стоне-плаче — так же протяжно плакала и Джанис Джоплин в 1970-е, так же плакали и русские невесты, когда просили маменьку «не шить красный сарафан». Арина Строганова («Соломенные еноты», «Утро над Вавилоном») в синем облаке грусти посреди зоопарка видит, как похож человек на лемура за решеткой, — слово для зверей и людей одно.

Политизируется женская работа и бесконечная торговля женским — неважно, телом ли или красотой. Например, группа «Барто» свободно цитирует книгу Наоми Кляйн No Logo о том, как эксплуатируют женщин на огромных фабриках третьего мира — тех самых фабриках, где делают вдохновляющие футболки с надписью Feminist. Meanna читает о продаже гендера: «Плоха та женщина, что не хочет стать Человеком и продолжает оставаться вещью».

Вдохновляющий образ бунтарки был успешно переварен массовой культурой: теперь нам предлагают «осмелиться носить красную помаду» и надеть соблазнительный наряд. Политический панк — голоса злых и голодных — так и не приобрел прочной арены, да и не мог ее получить в мире прибыли и милых сексуальных договоренностей с властью. Но плач по умирающему миру, анафема капитализму — «гори-гори ясно» — нужен по-прежнему, ведь нет женщины, которая была бы как остров одна в океане. Женский рок — агрессивный, печальный, едкий — соединяет личное и политическое, и когда мы поймем, что липкий босс, паршивый бойфренд и железный Феликс — одно многолапое чудовище, наступит просвет.

ИСТОРИЯ ГРУППЫ «МИСС БРЮТ» ИНТЕРВЬЮ С НАДЕЙ НИРВАНОВОЙ

Таня Волкова

— Надя, привет. В конце 1990-х — начале 2000-х твоя группа «Миома», позднее переименованная в «Мисс Брют», была, как говорится, широко известна в узких кругах московской альтернативной музыки. Изначально группа возникла именно как женский коллектив, однако в вашем формировании важную роль сыграл именно мужчина — об этом вы пишете в биографии своей группы: «Скорее всего, этот новоиспеченный замут так и почил бы в бозе, если б жизнь не свела основательниц с душой и лидером группы «Седьмая Раса» — альтернативнейшим и всегда подчеркнуто сексуальным чуваком Ягелем, ныне Сашко Растичем». Правильно ли я понимаю, что без участия мужчин женской группе было сложно выжить на рок-сцене 1990-х? Невозможно было научиться играть более профессионально, или в чем было дело? Однако позже вы вернулись к чисто женскому составу, для вас был важен этот момент, гендерный состав группы?

— Привет. Изначально группа была организована мной с двумя подругами в первую очередь как некоммерческий, дружеский проект. Как принято говорить, в целях творческой самореализации. У нас было много друзей из музыкальной среды. Мы часто бывали на репетициях, концертах (расцвет «Горбушки» — ДК Горбунова, вот это всё), любили группу L7 и чувствовали, что нам тоже есть, что сказать. Но у нас практически не было опыта музицирования. Только у Василисы, нашей басистки (о, винда не знает этого слова и пытается исправить его в том числе на «расистки», как это в тему!), был опыт игры на барабанах и перкуссии. Словом, нашу инициативу сразу поддержал наш друг Саша Растич, он организовал нам репетиции в своем вузе — МИТХТ, стал нашим гитаристом и первоначально сочинителем песен. Но потом Саша сконцентрировался на своих проектах, а мы нашли очень даже профессиональную гитаристку и любительницу тяжелой музыки — Иру Монстра. То есть, профессионально научиться играть и в то время было возможно вне зависимости от пола, если задаться такой целью.

К тому же, разрушая все гендерные стереотипы, Ира в своё время окончила курсы автослесарей и могла разобрать и собрать двигатель с закрытыми глазами. Затем к нам пришла вторая гитара — Аня Гаврилова из группы Lubricated. И какое-то время наш коллектив был чисто женским, в лучших традициях L7, Babies in Toyland, Sleater-Kinney и Bikini Kill (ну, ок, в последней – Билли Каррен на гитаре, но всё ж они неотъемлемы от контекста riot grrrl). Это было здорово и не мешало выживать на рок-сцене без участия мужчин. Мы были активными, сами организовывали концерты, в том числе с другими riot grrrl bands. Затем после беременности и ухода Тани мы не смогли в краткие сроки найти барабанщицу ей на замену (да, профессиональных и крутых барабанщиц было реально мало) и стали играть с Юрой Кузнецовым (Кузьмичом). То есть посыл, что женщинам тоже есть, что сказать на панк-рок- и гранж-сцене, был важен, но не был для нас стопроцентной самоцелью, ограничивающей круг музыкантов в группе. Тем более что Кузьмич поддерживал феминистические тенденции и без проблем мог сыграть за барабанами в платье.

— Как к вам относились ваши коллеги-музыканты? Чувствовали вы какой то мужской шовинизм, чувство превосходства с их стороны, или, наоборот, доброжелательный

сексизм, то есть поддержку только потому, что вы девочки? А как складывались отношения с коллегами по цеху — женщинами-музыкантками? Например, я знаю, что вы дружили с группой «Восьмая марта».

— Нам, по всей видимости, повезло. Мы в основном вращались в гранж-тусовке, где сексизм был совсем не в чести и многие женщины были музыкантками. Когда играли на мероприятиях типа байк-шоу, скорее ощущали доброжелательный сексизм: нам готовы были помочь дотащить до сцены железо, вытолкать из канавы наш минивэн и т.п. В принципе, как и в любой среде, в разных музыкальных тусовках есть совершенно разные люди: кто-то близок тебе по духу, кто-то считает, что место женщины — у плиты. И сегодня можно столкнуться с совершенно дикими холиварами в соцсетях. Совсем недавно с удивлением наблюдала за подобной дискуссией в ветке обсуждения поста одного из друзей на facebook, где бывший гитарист одной очень известной панк-группы неоднократно высказал мнение, что хороших женских групп, о которых стоило бы говорить, в панк- и рок-сцене не существует — все полный шлак. В конце концов всё скатилось к заявлению, что есть области, в которых женщины не преуспели: никого не удивляет же, что есть женщины ученые, политики, спортсменки и далее, но вот с музыкой у них как-то не заладилось,

да и с литературой на уровне погрешности статистической, и с живописью тоже как-то не особо. А что удивляет-то? Вы же не удивляетесь тому, что у вас менструации нет? Ну, нет, так нет... Устроены мы так. А женщины свои возможности проявляют в другом, что особенного-то? Повторюсь, что это экс-гитарист известной панк-группы, миниатюрные рассказы которого я с удовольствием читаю в сети и который, скорее всего, прекрасно знает, что до конца XIX века (а именно до 1897 года) девушек не принимали в Академию изящных искусств — самую престижную художественную школу Франции, например. И вопреки этому мы можем любоваться работами Берты Моризо, Камиллы Клодель, Мэри Кассат, Фриды Кало, Зинаиды Серебряковой, Веры Мухиной и многих других художниц. Глубоко в душе я, конечно, надеюсь, что это какой-то жирный троллинг. Хотя есть вероятность, что музыкальные riot grrrl проекты оказали влияние на более молодое поколение музыкантов, с которыми мне повезло общаться.

Что касается отношений с женщинами-музыкантками — от них мы получали исключительно дружбу и поддержку. «Восьмая Марта» организовала нам первый концерт в московском клубе «Край»,

когда у меня от волнения зуб на зуб не попадал, а микрофон ходил от правого уха до левого (нет, это не была специальная вокальная техника приближения-удаления микрофона). Мы организовывали многочисленные концерты и опен-эйр фестиваль в Таганском парке с группами Stub и Lubrucated. Группа «Ива Нова» помогала нам с концертами и играла с нами в Питере, а также участвовала с нами в передаче «Неотложка» на радиостанции «Эхо Москвы» вместе с вокалисткой группы «Плед» Дашей Давыдовой. О, мы тогда поставили в эфире Дину Верни, чем вызвали шок и трепет у некоторых радиослушателей и представителей руководства передачи.

— В биографии вы пишете, что «творчество группы нещадно вскрывает всю подноготную женских комплексов и страхов», «подрывает устоявшиеся стереотипы о женских группах». Можно ли говорить о том, что для вас была важна именно женская повестка, проблематика? Слово «феминизм» было не очень распространено в 1990-е годы в нашей стране, как вы себя с ними соотносили? И как ты себя с ним соотносишь сейчас?

— Ну, безусловно, женская проблематика была важна. Помимо того, что в это время стало появляться много женских поп-проектов, в первую очередь основанных на визуальной привлекательности для мужчин, а нам хотелось донести, что можно делать что-то совершенно по-другому и в другой музыкальной сфере. В наших текстах поднимались и темы гендерных комплексов, и проблем. Например, навязчивый страх старости, который гораздо ярче выражен именно у женщин в силу гендерных установок, темы жертвенности и боязни одиночества. Повторюсь, что феминизм гранж-волне вполне присущ. Поэтому не могу сказать, что этот термин появился в лексиконе моего окружения в какое-то недавнее время. Я ощущаю себя в теме, наверное, с малых лет, т.к. родилась в татарской семье. Несмотря на то, что мои родители вполне себе современные и светские люди, я помню какие-то эпизоды этнического сватовства,

когда мне лет 16 было, и мнения дальних родственников, что девочку пора пристраивать, пока срок не вышел. Было смешно: я выходила на встречу в панк-прикиде, рваных колготках, потенциальные женихи говорили, что, мол, девочка ещё совсем не взрослая, ей ума набраться надо, а мама тихо над этим угорала. А, например, моя бабушка мечтала учиться на врача, но не получила такую возможность, т.к. должна была быть примерной женой и ухаживать за домашним очагом. Не удивительно, что для меня тема феминизма до сих пор остаётся актуальной.

— В каком году группа перестала существовать и по каким причинам? Можно ли выявить в них какую то социальную подоплеку — что, когда участницы родили детей, им стало некогда заниматься музыкой?

— Последний концерт мы дали в 2006 году. Безусловно, социальная подоплека важна в контексте длительности существования сугубо женских проектов. Мы практически все работали, репетировали вечерами два-три дня в неделю с 9 до 11 вечера. С появлением детей у участниц группы, к сожалению, оставаться в таком режиме становилось всё сложнее и сложнее, а затем и вовсе невозможно. К тому же зачастую играют роль и отдельные профессиональные или прочие социальные обстоятельства. Например, наша экс-барабанщица долгое время живёт в Вене, а басистка сейчас живёт в Берлине. Хотя я знаю примеры женских групп, вполне успешно совмещающих роли родителей и музыкантов, например, «Ива Нова». Ну, в этом плане для меня Като (барабанщица и стержень группы) – просто-таки человек-пароход.

— Чем ты занимаешься сейчас? Это как то связано с твоей женской рок-группой, или это уже совсем другая жизнь?

— Сейчас у меня какого-то музыкального проекта нет. В основном я занимаюсь профессиональной деятельностью — наукой и медициной. Но моя женская рок-группа мне дала очень

многое. Благодаря ей я до сих пор живу, возможно, в несколько оторванном, альтернативном мире. Меня окружают в основном творческие, интересные, неравнодушные люди: музыканты, художники, организаторы сумасшедших мероприятий, DIY-энтузиасты. С моим мужем, художником, мы познакомились на моем концерте. Я всячески поддерживаю его совместный с нашим другом проект «Газель Смерти» — комикс о турах и путешествиях с панк- и рок- музыкантами, в котором напечатаны мои тематические палиндромы. В конце января мы были в Питере с финскими и македонскими музыкантами, а в самом начале года ездили на «газели» в Вильнюс и Минск на концерты. В данный момент занимаюсь переводом субтитров умопомрачительного фильма шведского художника Макса Андерсона Tito on Ice, который мы с организаторами хотим показать на фестивале «Комикс-Андеграунд» в Москве в начале апреля. Всем категорически рекомендую к просмотру!.

Надя Нирванова
вокалистка гранж-группы «Мисс Брют» (бывшая «Миома»)
с 1999 по 2006 год

Таня Волкова:

В ОПРАВДАНИЕ СЕКСИЗМА, ИЛИ ХРОНИКИ ПОДРУЖКИ МУЗЫКАНТОВ

Иногда в порывах ностальгии я слушаю первый «классический» альбом группы «Джест», который до сих пор помню наизусть. И тут, на одной из самых любимых песен моей юности, у меня вдруг включился феминистский анализ, и вот что из этого вышло:

«Посмотри, какая крошка, какие глазки, ну а ножки, как грациозно движется она!
Огоньки шутя мелькают, а она не замечает, как ты стоишь и смотришь у окна»

— объективация, сведение женщины к её физическим достоинствам.

Самому герою, правда, тоже достаётся, его считают дурачком, которым можно манипулировать:

«Эй, парень, ты попался на крючок!
Эй, парень, ты попался, дурачок!
Эй, парень, не уйти теперь тебе!
Эй, парень, ты теперь в петле!»

«Музыка сильней играет, но она тебя смущает, ты влюбился, глаз не оторвать.
Весь горишь, огнём пылаешь, сердце от любви страдает, так и хочешь ты её обнять!»

— в общении с женщиной в первую очередь речь идёт об удовлетворении сексуальных желаний, узнать героиню как человека не так интересно.

«Подойди, ведь ты мужчина!
Обними, возьми, прижми же!
И она твоею будет враз!»

— уверенность, что героиня будет рада нарушению своих границ и в результате обязательно ответит взаимностью.

«Но пока стоял, решался, девушка с другим умчалась
И кружится в танце без тебя»

— герой потерпел фиаско из-за неспособности проявить надлежащие мачистские качества, а девушка, как трофей, досталась другому, более решительному нарушителю её границ

***

Все началось с того, что Влад упал на Асю. В старом «Р-клубе» на Волгоградском проспекте. И мы с подружками-одноклассницами Юлей, Асей и Яночкой (уже будучи студентками разных вузов) познакомились с первыми в нашей жизни «настоящими» музыкантами.

Влад «Вампир» играл на гитаре в хеви-металл группе, где неистово тряс длинным хаером. У него были приятели — Грачёв и Осипов,

друзья детства, живущие в соседних домах в Измайлово. Грачёв был вокалистом группы «Лосьон» (панк), а Осипов — лидером группы «Джест» (гранж). Мы стали ходить на все концерты этих групп, а после них ездить тусоваться к Грачёву, чья мама Нина Михална отличалась добрым незлопамятным нравом. Мы ели пельмени, пили пиво или водку и до утра орали песни под гитару.

В перерывах между концертами ездили в Питер к друзьям, а питерские друзья приезжали к нам, встречали вместе Новый год — часто у меня на Речном вокзале (мои родители уезжали на новогодние каникулы в отпуск), и в таком режиме всё это продолжалось несколько лет. Потом все как-то разошлись по другим тусовкам и стали встречаться реже, а после того, как Осипов погиб, постепенно совсем растерялись.

После я вращалась в разных других музыкальных кругах, более именитых, позже художественных, позже активистских, а ещё позже — йогических, и вот там уже стала обнаруживать довольно много сексизма, но сейчас речь не об этом.

Сейчас я пытаюсь вспомнить, был ли сексизм в той нашей первой тусовке с сексистскими песнями (о его существовании мы, конечно, не имели никакого понятия). И не могу. Давно это было, почти 20 лет назад. Только помню, что пельмени готовили обычно мальчики, Осипов вообще закончил поварское училище и никого к плите не подпускал. Водку пили все на равных. С моей собакой Златой, когда тусовались на Речном, гулять ходили все по очереди. Мы, девчонки, конечно, носили короткие юбки, но с тяжёлыми ботинками и балахонами, как полагается панк-рокершам. Общечеловеческие качества в конечном итоге оказывались важнее, чем внешность. «Ты чего, не рокенрольная?» — дразнил нас Осипов.

Ещё помню, что было много романтики. И что было дико весело. И считаю этот период очень счастливым и важным для всей моей последующей жизни.

ИНТЕРВЬЮ С АНТОНОМ ГРАЧЕВЫМ

Таня Волкова

— Антон, ты и есть тот самый Грачёв из моих ностальгических «мемуаров». Однако у тебя не столь романтические воспоминания о том периоде, как я поняла из нашей переписки, ты сказал, что сексизма в нашей тусовке хватало. Под сексизмом ты имел в виду «утилитарное» отношение к девушкам как к «сексуальной добыче». Пояснишь это высказывание?

— Романтика, безусловно, осталась. Более того, каждый раз, вспоминая то время, я слегка улыбаюсь. Но мы затрагивали тему сексизма в панк-рок тусовке того времени. А это уже вопрос предметный и требует некоторой толики серьёзности. Сексизм, конечно, был, ведь мы, выражаясь языком социологии, проходили стадию индивидуализации, а это происходит через усвоение определённых культурных кодов, которые мы или принимаем, или отбрасываем. В тот период эти коды мы брали из любимой нами музыки. А там стереотипов полового превосходства было предостаточно. Вспомнить хотя бы, песни групп «Ноль», «АУ», «Бригадный подряд». А культовый фильм тех времён The Doors? Там же открыто говорится, что Джим — бог, а Памела не дотягивала до его уровня, она как бы, приземлённая. На бессознательном уровне, это сильно цепляет. И мы играли в эти игры. Ведь мы все были живыми рок-звёздами. Напускное пренебрежение к противоположному полу было нормой поведения.

— Ты совершенно справедливо заметил, что любое исследование должно быть объёмным и мы должны интересоваться не только женской, но и мужской точкой зрения, «ведь сексизм по сути своей полярен» (твои слова). И мне действительно интересно узнать твоё виденье ситуации. От себя хочу добавить, что, в отличие от многих наших общих знакомых, с разной степенью успешностью старавшихся быть этакими «мачо», ты всегда был другим — ты с девушками

дружил, не самоутверждался за их счёт, и не случайно, на мой взгляд, впоследствии ты стал заниматься социологией, в частности конфликтологией. Ты как бы опережал своё время, только сейчас стереотип «настоящего мужчины» меняется от брутального альфа-самца к мужчине с эмпатией, который строит с женщиной партнёрские отношения, но тогда, в середине 1990-х, ты был такой «белой вороной». Права ли я? Как ты себя ощущал в то время? И как ты себя ощущаешь сейчас?

— «Белой вороной»? Пожалуй, что да. Меня всегда интересовали не тусовки, а смыслы, которые движут поступками людей. Как позже выяснилось, некоторая отстранённость наблюдателя-исследователя — это моё естественное состояние. Как я уже сказал, мы играли в рок-звёзд и девчонки были обязательным приложением к этому. Длительность отношений определялась удобством. Удобно с девочкой — живём. Как только начинаются ситуации, где требуется компромисс, всё заканчивалось. Кто-то держался дольше, кто-то просто «снимал» на вечерок. Именно в этой части и можно говорить о сексизме. Не было стремления искать партнёра. Было стремление удовлетворить свои нужды.

Но это не удивительно, поскольку тогда было время, когда старая система ценностей рухнула напрочь и была реально полная анархия. Мы сами определяли устои, по которым жили. Личное «я», а ему противостоит всё вокруг. Конечно, о равенстве этого «я» и женщины речи не шло. Я сам несколько раз пытался натянуть на себя этот образ. Но я в тусовке имел, как ты заметила, иной статус, и меня тормозили словами: «Грачёв, хоть ты останься человеком». Так что меня сиё миновало. Но, по пьяной лавке, пару раз животное вылезало.

Сейчас, конечно, времена меняются. Процент семей, в которых трое-четверо детей постоянно растёт. А это показатель того, что уровень эмпатии растёт. Ведь, без этого сложно добраться до третьего, не говоря о четвёртом или пятом. Но преодоление сексизма — это очень медленный процесс. Ведь грань, за которой начинается сексизм, слишком тонка. К тому же, как я могу судить — это движение двустороннее. Очень хорошо, что ты стремишься рассматривать вопрос сексизма не изолированно, а в совокупности. Поскольку феминный и маскулинный сексизм по форме выражения различны. И это различие не всегда является предметом обсуждения.

Что же касается моего нынешнего понимания этого вопроса, то коротко я могу сказать так: женщины, которые сопровождают меня всю мою жизнь, научили меня признавать свои ошибки. Кстати, осознанию субстанционального равенства (если можно так выразиться) способствовало погружение в некоторые эзотерические концепции. Учитывая современный спрос на информацию такого рода, можно сказать, что у нас вырисовываются радужные перспективы. Но это пока только перспективы.

Антон Грачёв

был вокалистом панк-группы «Лосьон» с 1995 по 2007 год, после этого делал сольный проект «Дядя ворон», с 2017 года работает с хардкор-панк-металл группой «Раствор»

ЯНКА СМЕТАНИНА. 2017
«#metoo РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРШИЛАСЬ»

ВЛАДИСЛАВА РУКАВИШНИКОВА: «РЕПЕТИЦИИ И КОНЦЕРТЫ ПРИХОДИТСЯ ПРОВОДИТЬ СО СЛИНГОМ»

Аноэта Тряпкина

Среди неформалов провинциального города Тольятти есть легенда о московской панк-группе, которая так лихо выступала с экстремистскими призывами на городском фестивале, что на единственном «медляке» зрители вместо зажигалок стали жечь сторублёвые купюры. Как оказалось, музыканты группы живут не только в Москве: гитарист Алексей Караковский переехал из столицы в Самару, а вокалистка Владислава Рукавишникова осела как раз в Тольятти. Сейчас она растит ребёнка, иногда выступает с концертами и на радио «Самара Максимум», а также записывает новый альбом. Я решила поговорить с Владой о панк-роке и феминизме, но оказалось, что у моей героини такая увлекательная жизнь, что лучше не ограничивать разговор никакими тематическими рамками.

— Влада, пожалуйста, пару слов о «Блуждающих гормонах» для тех, кто никогда вас не слышал.

— Мы играем эротический сатирический олдскульный панк-рок с политическим и алкоголическим контекстом. Основные темы наших песен — лесбийская любовь, политика, наркотики, алкоголь и прочие пляски с конями. Придерживаемся исключительно стёбного формата, но если заглянуть глубже, то станет ясно, что многие песни имеют серьёзный подтекст.

Группа образовалась совершенно случайно — благодаря желанию поприкалываться. Как-то раз мы с Лёшей Караковским, лидером группы «Происшествие», слегка переборщили с пивом после чужого концерта. Слегка — это в смысле ближе к часу ночи нам напомнили, что метро ждать не будет, и выпроводили из клуба. Дальнейшее помню смутно: мы, шатаясь, брели по

заснеженной улице, и я обмолвилась, что пою. Караковский возжелал послушать, я что-то спела, он сказал, что это звучит довольно попсово, и больше к теме мы не возвращались. Позже Лёша забыл об этом и стал сокрушаться, что так и не услышал, как я пою, до моего длительного отъезда в Чехию. Я прислала ему школьную запись кавера Ирины Богушевской и неожиданно вдохновила. Сперва было написано несколько песен, которые и подсказали концепцию проекта и сценический образ. Судьбу «Блуждающих гормонов» определила первая песня — «Лена не такая», посвящённая Елене Мизулиной и её отвратительным законопроектам. Она была написана 12 февраля 2015 года, и этот день мы считаем днём рождения группы. Название появилось гораздо позже — летом того же года. А в августе 2015 мы выпустили первый EP и сыграли дебютный концерт в московском клубе «Археология».

— Расскажи о своих взглядах.

— Я бисексуалка (поэтому выступаю в поддержку ЛГБТ-сообщества), прочойс и феминистка. На фестивале протестного искусства «Муза непокорных» в 2017 году я делала перформанс

против запрета абортов — попросила подругу написать на моём беременном животе «Выбор, а не обязанность». Меня возмущает репродуктивное давление на женщин. Не исключено, что я сочиню об этом стихотворение или песню. Но мне кажется, мои взгляды больше повлияли на концепцию группы, чем на то, что мы поём — основную часть песен всё-таки пишет Лёша.

Вообще, я бы сказала, что многие наши песни — такой музыкальный аналог «Вредных советов» Остера. Например, в «Убивай за веру» рассказывается о том, какие прекрасные вещи случаются после смерти адептов определённой религии: буддист обретает вечную жизнь в реинкарнации, мусульманин отправляется в рай, а семья православного так горюет, что забывает об окружающем трэше. Соответственно, в припеве звучит призыв пойти убивать всех по религиозным соображениям. Ещё у нас есть довольно жёсткая песня «Гюльчатай» — о лесбийской любви к девушке-шахидке. А «Феминистка» рассказывает о том, как финансируемая госдепом лирическая героиня попадает в психиатрическую лечебницу имени святого равноапостольного Рамзана Кадырова. Там она пишет маме письмо раскаяния, где отрекается от феминизма, становится патриоткой и восхваляет Путина. Ещё у нас есть кавер Егора Летова «Я ненавижу женщин». Лёша считает, что смешно, когда бисексуалка поёт про то, как она ненавидит женщин. Но на самом деле у нас в обществе процветает мизогиния, и зачастую она исходит не только от мужчин. И я воспринимаю эту песню как театральное представление, цель которого — показать женоненавистничество во всей красе. Хотя не исключаю, что этот подтекст очевиден не для каждого.

— Трудно было начинать без какого-либо опыта?

— Самым жутким для меня, конечно, был первый концерт «Блуждающих гормонов» в «Археологии». Я ужасно стеснялась и была довольно скованной. До этого я всего пару раз появлялась на сцене с группой «Происшествие», а тут вдруг оказалась фронтвумен. Это очень нервировало. Видео с того концерта

ПОДВАЛ
ГАЛАКТИОНОВСКАЯ, 46
Тел: 332 92 83
fm 104.3
tomahawk promo
ПОДВАЛ
ГАЛАКТИОНОВСКАЯ, 46
Тел: 332 92 83
ROCK
18+
18+
20:00
18+

стараюсь не смотреть — я там такое бревно, что даже армия бобров обломает зубы. Зато тогда был очень забавный случай: услышав первые строки песни «Без улыбки», один из слушателей от неожиданности выплюнул кусок сэндвича обратно в тарелку. Я так ржала, что перестала петь и никак не могла успокоиться. Остаток песни допевала с закрытыми глазами — очень боялась, что если посмотрю на этого чувака — опять накроет. Такой вот первый опыт получился. Мы потом ещё много концертов сыграли в «Археологии», и довольно успешно.

Постепенно, конечно, дела на выступлениях пошли на лад. Я стала плясать, кривляться, активно жестикулировать и кидаться в зал футболками. Целилась всегда в Свету, директора группы, но меткость не мой конёк, так что под раздачу попадали другие слушатели. К счастью, их это вроде бы морально не травмировало.

Были у нас и весёлые выступления в музыкальном магазине «Дом культуры». Там после мероприятий наливают водку из самовара, поэтому уйти домой на своих ногах — большое достижение. Последний раз я, кажется, танцевала, кокетничала с окружающими женщинами и напугала белорусских панков из группы «Секонд хенд», так что они даже передумали вписываться в «Лысом Лосе», анархокоммуне, где я тогда жила. А я всего лишь горячо заверяла Фридриха, что у него шикарная красная ушанка, а Уну — что она божественно прекрасна. Не знаю, может быть, их напугала такая пылкость.

Ещё мы дважды выступали в Сахаровском центре на фестивале протестного искусства «Муза непокорных». Было здорово! Нам активно и громко аплодировали, а потом подходили с восторженными комментариями. А в 2017 году я совместила наше выступление с перформансом против запрета абортов. Перформанс имел успех, и я получила кучу положительных откликов. А вот после фестиваля в интернете у какой-то женщины бомбануло, и она написала комментарий на фейсбуке: «Не впечатлены! Тем более солисткой — во первых, ребенку не полезно два часа в духоте слушать надрывные вопли мамаши,

а во-вторых — его спросили, хочет ли он, чтобы на животе, где он, бедный, сидит, писали лозунги?! Может, он хотел в парке погулять! Жаль ребенка! А название вообще, ПОЛНЫЙ ОТСТОЙ! И к организатору тоже много претензий от старшего поколения!» Вот вам ещё одна причина, по которой обществу нужен феминизм: моё тело — это моё тело, а не священный сосуд для священного ребёнка.

— В основном твои самые верные поклонники — это женщины или мужчины? Есть ли у них что-нибудь общее? Вспомни самые неожиданные мнения о «Гормонах», которые доводилось слышать — и положительные, и отрицательные.

— Когда мы только создавали группу, нам казалось, что наша целевая аудитория — это подростки. Но реальность ошарашила. Нашими главными поклонниками оказались весёлые мужики лет сорока. Это было неожиданно. Вообще довелось слышать много разных отзывов, но я стараюсь не запоминать отрицательные. Тем более что претензии там обычно в духе «не посягайте на святое». Ничего интересного, короче.

— Вы все такие интеллигенты — Караковский психфак закончил, ты — Институт русского языка. Как туда попала такая панкушка, как ты?

— Дело в том, что я, когда поступала в институт, ещё не была панком. Я была такой тихой скромной отличницей с длинной косой, золотой медалью и ста баллами за ЕГЭ по литературе. И, наверное, дальше я должна была закопаться в книжки и окончательно превратиться в тургеневскую барышню. Но я так задолбалась учиться в школе, что в институте в основном дрыхла и прогуливала. А потом и вовсе покатилась по наклонной: сначала пила пиво с социониками, а позже вообще познакомилась с Караковским, который сказал, что я панк, и продолжил сбивать с пути истинного. Испортил, короче. Но хорошо, что это произошло, когда я закончила бакалавриат, а то не видать бы мне высшего образования!

— Как тебя занесло с концертами в Поволжье?

— До лета 2016 года я работала натурщицей в университете печати. Идеальное занятие для девушки, тяготеющей к нудизму: сидишь голая и красивая, а тебя рисует толпа студентов, и для них ты не сексуальный объект, а форма, которую нужно изобразить. Это очень помогает раскрепоститься и принять себя. Но учебный год закончился, и я осталась без работы и без денег. Это совпало с моей поездкой к маме в Тольятти. Мне не хотелось сидеть у неё на шее, и Лёша предложил приехать в Самару и попытать счастья в качестве уличных музыкантов. Это был незабываемый опыт! Мы познакомились с огромным количеством интересных людей и пережили кучу весёлых моментов.

Например, был забавный инцидент с полицией. Им было глубоко безразлично, что мы играем на улице. Их не волновало, что мы пьём пиво. Но как только я растянулась на лавочке, чтобы немного отдохнуть, меня попросили прекратить и встать. Даже не знаю, почему их смущало именно это... Ещё как-то раз подошёл чувак и положил нам сигарету, потому что ему очень понравилось, как мы играли, но денег не было. Мы не курим, и так она бы и лежала, если бы вскоре с вопросом «Закурить не найдётся?» к нам не пристал какой-то бухой тип. Самым забавным в этой ситуации было то, что он докопался именно тогда, когда я пела, и я подала ему сигарету, не прерывая песни, что его тоже весьма впечатлило. Часто люди останавливались посреди улицы или садились на лавочку, чтобы нас послушать. А один мужчина даже специально приходил и приводил сына и жену. Это было очень приятно.

А в самом конце августа мы играли в Тольятти на фестивале «Рок не ради денег». Караковскому даже удалось спровоцировать толпу на сжигание бумажных купюр. Честно говоря, это для меня было полной неожиданностью. Не думала, что такое вообще возможно. Этот фестиваль оставил много воспоминаний. Например, я впервые оставила автограф на торсе какого-то парня. Хочется верить, что он долго мылся с осторожностью! А

ещё во время исполнения «Дочери плотника» к нам через толпу рвануло несколько суровых байкеров. Лёша думал, что нас побьют, но вместо этого они бухнулись на колени. Действительно впечатляющее зрелище. И на наш концерт в клубе «Кирпич» после фестиваля они тоже приехали. Единственное, что несколько омрачило вечер — конфликт с организаторами. Они были недовольны тем, что мы между песнями несли всякую муть и вроде как нарывались на проблемы. Хотя мы всегда так делаем и пока живы. Но организаторы, на мой взгляд, перестраховались: они ещё на этапе подачи заявок говорили, что очень хотят нас услышать, но переживают из-за политической окраски песен. В итоге они решили рискнуть, только попросили убрать мат. У нас в заявленных песнях было всего одно матное слово, и мы его, разумеется, заменили. А остальной стёб, как мне кажется, был довольно безобидным. Хотя у нас, конечно, посадить могут и за репост, что поделать. Если об этом париться, можно всю жизнь протрястись под кустом.

— Как тебя принимала публика на летних фестивалях?

— К сожалению, из летних фестивалей «Блуждающие гормоны» выступали только на «Платформе» в 2016 году. Но публика нас принимала очень здорово. Особый успех имела песня «Дочь плотника» — от лица Иисуса, если бы он был женщиной. Она вообще всегда идёт на ура. Мы, кстати, очень весело добирались в Ногинск — ехали целой толпой, пели в электричке. Я надеюсь, что теперь, когда мой сын немного подрос, можно будет попытаться поездить на фестивали. Ужасно скучаю по этому драйву!

— Ты записала один альбом с группой, второй без группы, а теперь работаешь над третьим. Сложно даётся?

— Студийная работа — иногда приключение не меньшее, чем концерты. Первое время было очень тяжело — я не осиливала больше трёх дублей: на первом распевалась, на втором выдавала нечто относительно вменяемое, а на третьем выдыхалась и

начинала лажать. Но постепенно репетиции, выступления и записи сделали своё дело — теперь могу петь сколько угодно! Кстати, многочасовые выступления на Ленинградке тут тоже сказались положительно. Я считаю, нам очень повезло: мы работаем с потрясающим звукорежиссёром Яном Сурвило, и он всегда помогает, направляет и подсказывает, как сделать лучше. Без него бы ничего не вышло. Во время недавней поездки в Москву удалось записать две песни, и делалось это в экстремальных условиях: нужно было дождаться, пока заснёт мой сын, потому что сейчас он не отпускает меня ни на шаг. Даже репетиции и концерты приходится проводить со слингом или держа его на руках.

— Ты много путешествовала с группой. Вспомни что-нибудь интересное!

— Мне очень запомнилась поездка в Казань на «Зиланткон» в 2015 году. «Гормоны» там не выступали, но было большое желание потусить. Правда, незадолго до поездки я сильно заболела, сидела на антибиотиках и не могла ни петь, ни пить. Как же я завидовала Свете и Лёше, которые радостно дегустировали «Степняк»! Горло у меня настолько болело, что не было и речи о нормальных выступлениях — я с трудом выжимала из себя пару лирических песен и выдыхалась. Добирались до Казани мы тоже с приключениями. Мы со Светкой решили ехать на автобусе, который в итоге сломался где-то в чистом поле между Набережными Челнами и Казанью. Мы стояли несколько часов, было холодно, уже рассвело, а автобус никак не могли починить. Заняться было нечем, так что мы организовали «девичью светёлку»: Светка ушивала своё ролевое платье, а я чинила халат. За окном автобуса меланхолично курил мужик, подозрительно похожий на Путина. А когда мы всё-таки добрались до Казани, то перепутали то ли трамваи, то ли направление, то ли и то, и другое, и уехали непонятно куда.

Из Казани мы с не меньшими приключениями рванули в Нижний Новгород. Тоже умудрились уехать куда-то не туда и опоздать

к отбытию. Пришлось пилить на автовокзал и агитировать знакомую ехать с нами, чтобы можно было скинуться на машину. А потом с трудом выбираться из Нижнего: автобус почему-то был ночью, причём ждать его пришлось где-то на окраине города, на автостоянке возле закрытого гипермаркета. Чтобы согреться и повеселиться, Лёша катал меня на тележке, и мы оба орали дурными голосами. Было весело.

Когда у меня родился сын, географию поездок, конечно, пришлось сузить. Но я не смогла долго продержаться без музыки. Тимофею исполнилось два месяца, и я впервые поехала выступать в Самару, взяв его с собой. Через пару недель мы организовали ещё один концерт, и, узнав об этом, нас пригласил на передачу директор радио «Самара Максимум». Основная сложность заключалась в том, что передача шла в прямом эфире, а мне было не с кем оставить сына. Я попросила подругу пойти на радио и посидеть с ним. Сейчас я понимаю, что надо было взять коляску и отправить их погулять, но тогда мне не пришёл в голову этот вариант. Так в истории радио впервые состоялось кормление грудью в прямом эфире. Что поделать, других способов успокоиться ребёнок, которому было всего два с половиной

месяца, ещё не знал. Сразу после эфира нам нужно было ехать на концерт. Но Тимофей решил, что он тоже хочет выступать... Когда он четвёртый раз сорвал меня со сцены, я просто посадила его в слинг, и он тут же заснул. Так я и пела с ним остаток концерта. В январе 2017 года в Тольятти нам пришлось повторить этот фокус, потому что Тимофей рыдал, как только я спускала его с рук.

— Расскажи об анархической коммуне, где ты жила в Москве.

— В анархическую коммуну и панк-притон «Лысый Лось» я попала случайно. Когда он только создавался, я помогала хозяйке, поэтессе и перформансистке Сашетте Морозовой, разбирать завалы старого хлама. Однажды мне пришлось собрать в кулак всё своё мужество, чтобы вынести с балкона нескольких дохлых голубей, распространявших ужасный запах. В другой раз Саша разрешила разломать ненужный шкаф, и я била его об стену с дикими воплями, чтобы избавиться от плохого настроения. Мои друзья поняли, что я суровая и опасная девушка!

Когда квартира приобрела чуть менее плачевный вид, я иногда оставалась там переночевать. В итоге Саша пригласила меня жить в «Лосе». Это был довольно непростой период — я лечилась от тревожно-депрессивного расстройства и решила бросить магистратуру, а значит, лишалась общаги. В итоге, за вычетом двух летних месяцев, проведённых в Тольятти и Самаре, я прожила в «Лосе» год, пока не уехала из Москвы. Это было весёлое время: у нас постоянно проходили различные мероприятия, тусовки и посиделки, вписывались какие-то творческие люди. Недавно я снова приезжала в Москву, и мы провели в «Лосе» вечер трэш-поэзии: читали гениальные стихи сетевой поэтессы Ани Баньтики-в-слезах и пели песни «Блуждающих гормонов». Было круто!

— Как мама относится к тому, что ты панк, что у тебя активная жизненная позиция?

— У неё довольно неплохо с пониманием личных границ,

поэтому мы не ругаемся из-за этого. Хотя мама, конечно, не в восторге. Думаю, она предпочла бы, чтобы во мне было больше конформизма и аполитичности. Творчество «Блуждающих гормонов» ей не нравится, хотя лирические песни в моём исполнении она слушает с удовольствием. Наверное, если бы я была совсем цивилкой, мама была бы рада. Но увы, что выросло, то выросло.

— Расскажи про твою обнажённую фотографию с портретом Путина, которая до сих пор гуляет по Интернету.

— Ой, вот это маме очень не понравилось! Мы опубликовали в сообществе «Блуждающих гормонов» мою фотографию, сделанную в «Лысом Лосе». На левой половине я прикрываю грудь плакатом «Открытое письмо президенту Российской Федерации», где посылаю его по всем известному адресу. А на второй портретом нашего пожизненного вождя закрыто то, что ниже пояса. Мама высказалась на тему того, как это некрасиво, неприлично и вообще. Но зато недавно Наталья Беленькая, которая пела с Псоем Короленко одну из моих любимых песен, написала под этой фотографией, что я красавица. Ради комплиментов от такой потрясающей женщины я готова сделать хоть сто сомнительных фоток с Путиным, Сталиным, Гитлером, Трампом, Ким Чен Ыном, Милоновым и прочими отвратительными субъектами. А один поклонник «Блуждающих гормонов» отфотошопил эту фотографию в духе СССР, заменив Путина на Брежнева, а послание — на «Мир-Труд-Май». По-моему, это даже смешнее оригинала.

— Сталкивалась ли ты с проявлениями мизогинии среди рок-музыкантов и что делала в таких случаях?

— Не помню таких случаев с музыкантами, вероятно, мне повезло. А по жизни, конечно, с мизогинией приходилось иметь дело. К сожалению, далеко не всегда удавалось отреагировать достаточно жёстко. На самом деле, я очень мягкий и неконфликтный человек и тяжело переживаю проявления негатива и тому подобное. Но я стараюсь над этим работать.

Идеальная реакция, какой я её вижу — это умение сказать человеку, что он ведёт себя, как урод, вне зависимости от того, кто это и в каких отношениях мы были раньше. В общем, в любой непонятной ситуации надо слать в пешее эротическое. У меня была подруга — неплохая девушка, но довольно консервативная, патриархально настроенная и зашоренная. От того, что она говорила, у меня волосы дыбом вставали. Она единственная из моего окружения негативно отреагировала на каминг-аут в качестве бисексуалки и пыталась внушить, что если мне нравятся и женщины, и мужчины, то я должна «выбрать мужчин», чтобы быть нормальной. И вообще, по её словам, я так решила, потому что у меня не сложились отношения с мужчинами, а если бы в моей жизни была настоящая любовь, я бы никогда не стала считать, что мне нравятся девушки. В общем, классическая гомофобная реакция: «У тебя просто мужика нормального не было», густо приправленная тем, что ЛГБТ нельзя подпускать к детям. Ну и прекрасные высказывания типа: «Это нормально, что мужчинам платят больше, им семью кормить» (лолшто?) и «Европа и Америка уже совсем свихнулись со своей толерантностью». В итоге меня так достала эта чушь, что мы поругались и перестали общаться. Я забанила её везде, где только могла (она заявила мне, что это детский сад и «что сказала бы на это твоя мама?»), и до сих пор этим очень довольна. Я стала гораздо спокойнее и счастливее, когда убрала этого человека из своего окружения и перестала слушать её бред.

— Считаешь ли ты правильным участвовать в политических акциях — митингах, пикетах и т.п.?

— Я считаю, что такие вещи — вопрос личного выбора. Кто хочет, тот участвует. Каждый человек, который занимается активизмом, выбирает свой способ. Кто-то ходит на митинги, кто-то пишет посты в блоге, кто-то создаёт новые проекты или сочиняет книги. Я предпочитаю реализовывать свой протестный потенциал в творчестве.

— Что ты думаешь о семейных ценностях, нужна ли панку семья?

— Панки тоже люди. Не буду говорить за всех, но мне, например, семья нужна и важна. Наверное, есть и люди, которым комфортнее всего в одиночестве. Я считаю, что семейные ценности — это хорошо, только не в том виде, в котором нам их навязывает государство. Мне не нравится, что под семьёй понимается традиционная модель типа «папа-мама-дети». Семьи могут быть самыми разными: с одним родителем, без детей и т.д. Я выступаю за легализацию однополых браков и разрешение усыновления в такие семьи. Мне не кажется ненормальной полиамория. Я не считаю, что дети нужны всем, а чайлдфри неполноценны. Я за то, чтобы каждый выбирал для себя то, что ему нравится, и при этом не лез в чужую жизнь.

— Какие планы у группы, и чего бы ты хотела в жизни лично для себя?

— Если говорить о ближайших планах, то мы хотим выпустить второй альбом и продолжить концертную деятельность. Не вижу смысла слишком далеко загадывать, в жизни может случиться всякое. Но, надеюсь, у группы всё будет хорошо.

А вот с собой разобраться непросто. Мне недавно задавали схожий вопрос, и я до сих пор не придумала ответ. Мне всегда очень сложно понять, чего же я на самом деле хочу, особенно когда речь о чём-то конкретном. Но если в общем, то я хочу быть счастлива, любить и быть любимой, родить ещё троих детей и заниматься творчеством. Петь, в том числе на улице, писать стихи и прозу. И ещё доехать от Москвы до Владивостока на электричках! Наверное, странная мечта, особенно если учитывать, что и одного ребёнка не с кем оставить, но хочется и всё тут. Надеюсь, однажды сбудется!

Музыку «Блуждающих гормонов» можно послушать здесь:
https://vk.com/vagrant_hormones

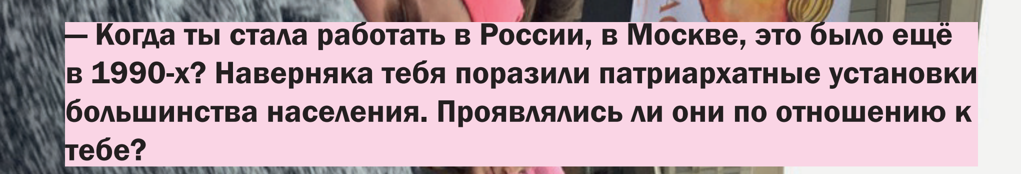
«СКАЖИТЕ, КАК ДЕМОКРАТИЯ ВЫГЛЯДИТ? ВОТ КАК ДЕМОКРАТИЯ ВЫГЛЯДИТ!» ИНТЕРВЬЮ С ЛИ ЭРЛИХ

Таня Волкова

— Ты родилась в Америке, в Санте-Барбаре, это небольшой город, можешь рассказать в двух словах, какая там ситуация с правами женщин и с отношением к феминизму, какой она была в твоём детстве и какая она сейчас?

— Санта-Барбара — курортный город, во многом. Здесь очень мало людей, которые живут в нищете. Город маленький, и люди живут довольно хорошо. Климат прекрасный, океан рядом, политический климат всегда был и остаётся здесь либеральным. Активизм здесь приветствуется, и при мне всегда так было. Из-за уровня жизни выше среднего и из-за либерального климата феминизм здесь спокойно живёт и принимается как данность большинством населения. Борьба идёт ежедневно, но не на социальном уровне, а на уровне системы: написать письма конгрессменам, собираться и демонстрацию устроить против «системы» или против «the man» в протесте на системный расизм и сексизм (двойные стандарты, несправедливые практики в области труда). В моём детстве я помню активизм такого сорта, и в школе сама стала участвовать, и теперь уже в качестве взрослого я опять в Санта-Барбаре активист. Удивительно и грустно, что активисты, во многом, хотят того же самого, что и хотели много лет назад... что значит, что либо очень мало изменилось, либо очень медленно. Изменения всегда сложные и никогда не быстрые, как правило. Нужно тут добавить, что всегда было огромное количество мужчин, которые разделяли такие же взгляды и также были активны. Я выросла там, где это нормально — озвучивать феминистские взгляды, и рядом были мужчины-феминисты, которые показывают солидарность и также требуют справедливости. В целом, Санта-Барбара — либеральный рай, где активисты любого движения принимаются с уважением и пониманием, что это и есть демократия.

Say no
CK LIVES
MATTER

— Когда ты стала работать в России, в Москве, это было ещё в 1990-х? Наверняка тебя поразили патриархатные установки большинства населения. Проявлялись ли они по отношению к тебе?

— Когда я переехала в Россию в 1994 году, политическая корректность быстро спустилась в унитаз. Чёрные — плохие, женщины должны быть определённые в поведении и в образе, если ты феминистка, значит ненавидишь мужчин и точно лесбиянка (причём «плохая» лесбиянка, так как не согласна с подругой спать с мужчиной!). Борьба за мои идеалы приобрела другую форму в России: быть хорошим примером, показывать пример поведения, который ты ожидаешь и требуешь от людей вокруг.

Я была женщиной в России в 1990-х, которая ещё и бизнесом занималась. Нужно постоянное общение с потенциальными

клиентами, и вокруг меня в то время было принято, чтобы общались в стрип-клубах, в барах, с напитками. И это только начало. Очень мало уважения проявлялось к женщинам в профессиональной сфере. Если она хорошо занималась бизнесом, то всем было понятно каким-то образом сразу, что либо она хладнокровная стерва, которая жаждет власти, либо она с кем-то спала, чтобы достичь этих результатов. Вывод делался сразу и почти всеми.

— И что касается рок-среды, какой она была, по твоим ощущениям, с точки зрения сексизма? Изменилось ли что-то сейчас?

— Эти же сложности относятся к рок-тусовке того времени, но, конечно, в меньшей степени. В мире искусства и музыки всегда больше места есть для тех, кто не вписываются в статус кво, но в то же время рамки всё равно здесь для женщин жёсткие. Опять распространено мнение, что как только появилась новая группа или сольная певица, что они/она с кем-то переспали или лесбиянки!

Я помню в 1990-ых, когда только объявили создание группы «Колибри», и я в то время жила в Питере и пошла на презентацию группы в каком-то крутом дворце на Невском. Весь авангард Питера того времени присутствовал, и на концерте и на пост-пати обсуждалась одна только тема: должны ли женщины играть на инструментах или это не подходит им вовсе! Я была в шоке, что это вроде бы обсуждение, как мне кажется, прошлого века, и тут все современные герои музыки и искусства, и они всерьёз всё ещё это обсуждают.

В русской рок-среде, где я крутилась, всегда были чемпионы тоже. Все парни из группы SPITFIRE в то время активно противостояли сексизму и не боялись сильных женщин.

Когда, уже спустя много лет, мы с Сашей Ивановым из «НАИВа»

познакомились, не так много и изменилось в музыкальной среде. Мы с ним ездили всюду вместе, и я постоянно удивлялась тому, что женщины всегда стояли рядом или сзади своих музыкантских парней, не были представлены парням и сами не брали на себя инициативу представиться. То есть стоят там без имени и без права участвовать в разговоре, так как все участники уже представлены друг другу официально. Больше всего меня удивило то, что никого это не смущало, кроме меня и Саши. Практически невозможно быть полноценным и уважаемым участником происходящего, если ты изначально не один из участников, а просто где-то, кто-то там рядом, но без имени. Изменилось ли что-нибудь в рок-среде? Больше активности от женщин вижу. Мужчины как относились, так и относятся в целом, и поэтому тем более важно, как женщины себя ведут и какого уровня уважения они могут сами добиться.

— Расскажи о поездке на Женский марш на Вашингтон. Чья это была идея? Как вообще выглядел разговор-обсуждение этой поездки? Ты написала, что поехать на марш было крайне важным для всей вашей семьи. Можешь пояснить, почему это было важно?

— По поводу марша в Вашингтоне, я первая узнала про марш сразу после победы того 45-го полупрезидента. В моей среде был очень-очень высокий уровень сомнения, что его никогда не изберут американцы. Когда это случилось, это было как кирпич по роже. Шок. Полный шок. Бедный Саша был в России в этот момент, и я ему позвонила и наехала на него сильно-сильно, просто из-за того, что вне себя была... полный шок. Организаторы марша наверняка из этого же чувства и приняли решение как-то показать, что это не хорошо, неприемлемо! Как только я услышала, что цель — собрать миллион людей в Вашингтоне на день после инаугурации, я сразу поняла, что это важно — показать телом свой голос... что именно личное присутствие требуется. Сразу завела разговор с Сашей по поводу поездки, сказала, что хочу нашей дочке Авроре показать, что это важно — протестовать

MARCH LIKE A GIRL
GIRL POWER
SPEAK → UP
SPEAK → OUT
SPEAK → OFTEN
WE CAN
TO EAST
395
695

против того что, считаешь неприемлемым. Саша разделил мое мнение, но очень переживал о безопасности дочки (ведь у него до этого был опыт исключительно с русскими демонстрациями, куда мы не таскали дочку, хотя и хотели). Всё-таки решили ехать вместе, и это действительно было правильное решение.

Собралось больше, чем кто-либо мог представить. Это, безусловно, крайне важный опыт для нашей дочки, которая видела протест огромного масштаба, где каждый участник не боится кричать, что хочет, распространять то сообщение, которое ему важно. Кричали много, но нам больше всего нравилась кричалка такая: «Скажите, как демократия выглядит: Вот как демократия выглядит!» (Tell me what democracy looks like: This is what Democracy looks like). Вот это и есть то, что мы как родители делали для дочки на этом марше: мы показывали ей своим поведением и своими действиями, что это очень важно и что можно и нужно не молчать, если что-то тебе не нравится, что нужно поднять свой голос и требовать к себе и своей позицией уважения и внимания.

Нужно добавить про марш, что мы готовили Аврору к нему. У неё был выбор — идти или нет. У неё был выбор — носить ли «сообщение» или нет и, если да, то какое? Она сама выбрала лозунг «Girl Power» и сама рисовала фигуры женщин, которых она видела как «армию девушек».

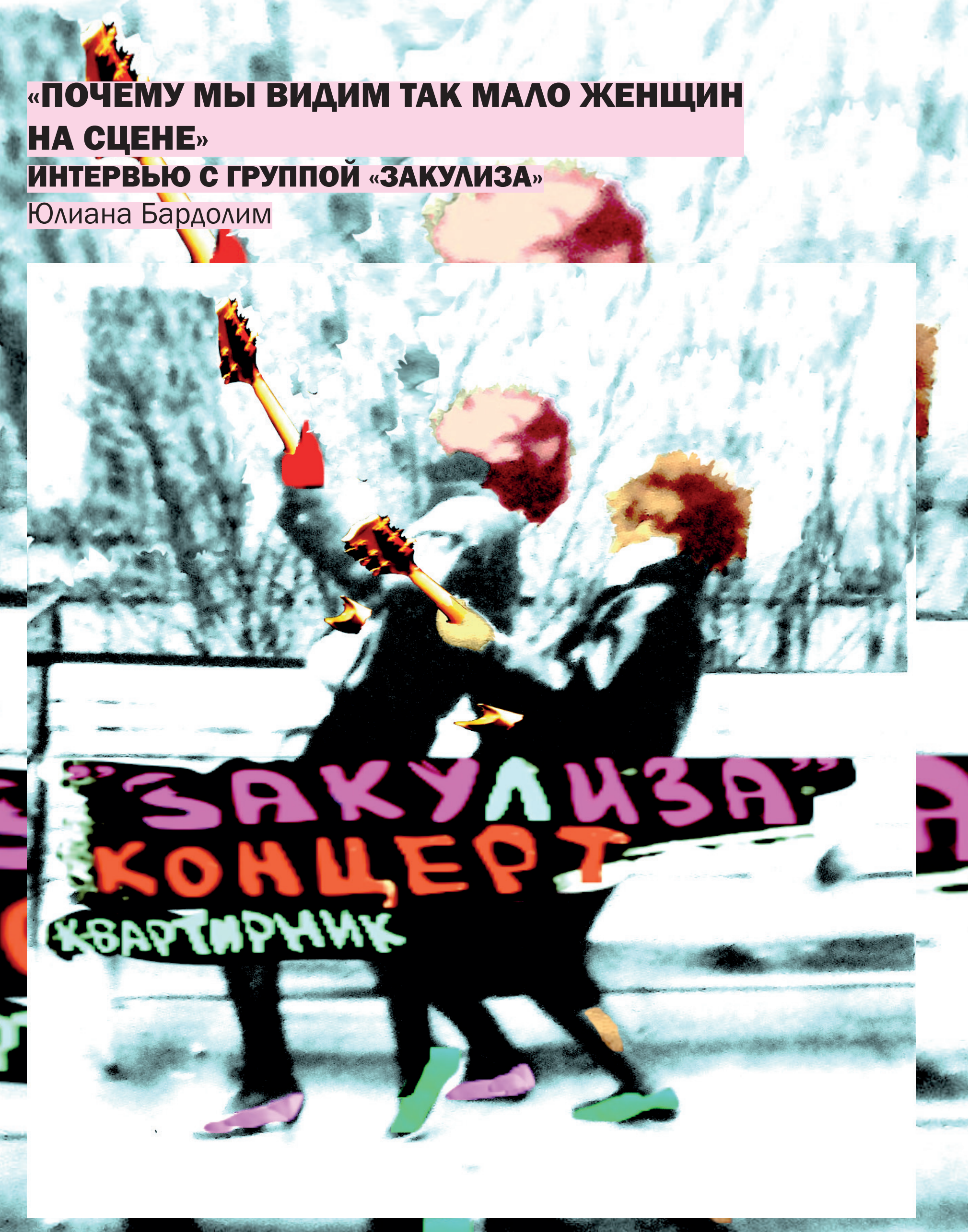
Ли Эрлих

Бизнес тренер. Живет и работает в Санта-Барбаре и Москве

«ПОЧЕМУ МЫ ВИДИМ ТАК МАЛО ЖЕНЩИН НА СЦЕНЕ»

ИНТЕРВЬЮ С ГРУППОЙ «ЗАКУЛИЗА»

Юлиана Бардолим

Несколько лет назад в нашей берлинской квартире оказались две девушки из русской группы «Закулиза». Они выступали в культовом андреграундом клубе Suppa Molly, у нас по соседству, и добрые берлинцы посоветовали обратиться к Воронцову за очередным шнуром, стойкой и ещё чем-то там. Концерт был ожидаем:

весёлый, шумный, драйвовый и очень типичный для берлинской альтернативной сценой: две девушки, многостаночницы, играли на ударных, двух гитарах и лэптопе — да, такое уже доводилось видеть на различных площадках типа Fusion. На моё предложение дать мне интервью они ответили весьма необычно: «Мы давно привыкли все делать сами. Сами играем музыку, сами устраиваем себе концерты, сами делаем плакаты и таскаем аппаратуру. И такую чушь, как записать интервью, мы уж точно сможем без тебя». Ну что ж, велкам.

Светлана Дементьева: И почему же мы, женщины, не играем панк-рок?

Нюра Кронгауз: Потому что СКУЧНО!!! Чертовски скучно. Кажется странным, но увы... Час мочилова на сцене не отменяет четырех часов ожидания саундчека, а после ещё пять часов надо ждать выступление. Репетиции тоже ад, где ничего, кроме бесконечного ожидания нет. Сплошная трата времени.

Света: А «Закулиза»?

Нюра: «Закулиза» — это исключение, потому что это — женский бэнд. Нам не надо друг друга ждать, уговаривать.

Света: Похмеляться.

Нюра: Да, ужасно.

Света: Я восемь лет до «Закулизы» играла в панк. Это не описка. Играла в панк. До этого у моего парня был бенд, я была басистом. В 17 лет было весело, в 18 — немного страшно. Ну там акции всякие начались, протесты, мы хотели быть со всеми. Пошла волна, мы сняли точку для репетиций в Долгопрудном. Стали ездить по области, над текстами больше работали.

Нюра: Но потом «Пусси» все испортили.

Света: Стоит, наверное, обьяснить.

Нюра: Объясняй.

Света: Сменилось освещение, понимаешь. До этого я смотрела на парней так, как они того хотели. Я тоже культивировала их образы, хотелось, чтоб они были дерзкими, клёвыми, даже когда тупили. И так было печально наблюдать, как они сдулись в момент на фоне двушечки. Но по-прежнему хотелось играть панк.

Нюра: Да и делать больше нечего было.

Света: В Долгопрудном — да. Зато потом многое изменилось, мы ввели жёсткие правила, никакого бухла во время репетиций. Если звуковик опаздывал на саундчек больше, чем на полчаса — мы просто уходили и отказывались играть. Ну достало реально.

Нюра: в такие моменты ожидания мы и познакомились. Я диджеила в том клубе. Там все и началось. Теперь по пунктам.

ХАРРАСМЕНТ

Нюра: У нас в России панк-рок и тяжелую музыку по традиции играют мальчики. И там много сложностей, но одно можно сказать — ребята из этой среды не обижают девушек. Конечно, им ещё далеко до леворадикальной западной среды — там вообще все феминисты, без разговоров, мужики даже больше девушек. Но даже в России наш круг чисто эстетически не склонен к таким отвратным приставаниям.

ЗАПАД И РОССИЯ

Лиза: Нет никакого плохого отношения к нам, наоборот, все ожидают, что мы будем, как и «Пусси» мочить Путина. Вот мы и мочим. Но давайте на чистоту: та, музыка которую мы играем, не предполагает текста. Зафуженные гитары, эффект мегафона на микрофоне — слов не разобрать вообще. Так что без разницы, откуда мы, из России или Португалии. Можно кричать в микрофон любое слово.

ЛЕСБИЯНКИ

Мы привыкли, что к нам так обращаются. Но по правде, лесбиянка тут только одна. И смешно, что лесбиянка и нелесбиянка — одиноки. Одинокие молодые женщины в поиске. И чего-то пока без шансов кого-то найти для длительного партнёрства.

ЭМИГРАЦИЯ

Нам нравится этот образ жизни, но, к сожалению, в России он не представлен массово, нет такой сети, как в Польше или Германии, например. Фестивали, клубы, сквотеры, разные политические активисты — все связаны между собой. И их много, ты реально кому-то нужен и находишься внутри целой системы. Сейчас к ним подключились и всякие мелкие фирмачи, бывшие леваки, из биосреды. Мы в прошлом году после тура остались у одного чувака поработать. Тоже бывший панк, играл в культовом бенде «Зиги Зиги Спутник», а сегодня у него небольшая ферма. Вот если бы у нас *нас* было бы больше, то можно и в России жить. А так, конечно, тоска. Последний раз мы вместе с «Умкой» выступали. Ну елы-палы, ну где «Умка», а где панк-рок. А чего делать — народ

один, и другого для нас нет.

ФЕМИНИЗМ

Без вопросов. Да!!! Всегда да, всегда за женщин. Но и они как-то должны шевелиться. А то их защищаешь, а они тебя ещё потом и с говном съедят. Уже было, и не раз. Поэтому в наших песнях у нас много женских героинь, и не геройских совсем. Училки, воспиталки, нянечки, ментовки, судьи — все эти жуткие бабищи, которые нас учат, воспитают, ставят в угол и сидят на избирательных участках. И пробить эту среду невозможно. Там какой-то порочный замкнутый круг.

ПОЛИТИКА

Сейчас уже и петь нечего, и думать про это не стоит.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

Очень интересно, если бы не такие распальцы. Очень неприятная среда, все такие надутые, что обосраться можно. Были б художники попроще, почеловечней, что ли, можно было бы и подружиться.

ЛЕВЫЕ

Мы — панки, и это серьёзно. Или вы думаете, что мы шутим, что это так, детский сад. Нет. Мы панки, и что левые, что правые — всё пофиг.

ДЕТИ

Кто-то из нас хочет, а кто-то нет.

РЕП

Да, кстати, а почему женщины не читают рэп и не участвуют в батлах? А? Почему акцент только на нас, панкухах. Вот давайте, вы найдёте кого-нибудь вроде нас, только рэперш, и сделаете с ними интервью. Мы тоже хотим почитать, нам тоже интересно.

Панк-группа «Закулиза» образовалась в 2010 году в г. Долгопрудном

ЯНКА СМЕТАНИНА. 2017
ИЗ СЕРИИ «ТЕЛО»

Алексей Караковский:

DISHRAGS — ПЕРВАЯ КАНАДСКАЯ ЖЕНСКАЯ ПАНК-ГРУППА

Единственный клип этой группы был отреставрирован спустя тридцатилетие после того, как группа распалась. Потрясающе прекрасные девушки поют о том, что «прошлое — это прошлое» — такой была первая канадская женская панк-группа... Нечего и говорить, что они не стали звёздами панк-сцены. Более того, это первая публикация о Dishrags на русском языке.

Ник Джонс, вокалист дружественной банды Pointed Sticks, сказал о них буквально следующее: «Dishrags были недооценены как панк-группа. Я имею в виду, что они сбежали из школы в 16 лет, чтобы сколотить эту команду. Никто не имеет ни малейшего представления, сколько мужества потребовалось, чтобы сделать это. Их история необычна, и она невыразима словами. Помимо того, что они выпустили несколько действительно хороших пластинок».

Первый исторически зафиксированный панк-концерт в Ванкувере состоялся 30 июля 1977 года. Furies были единственной на тот момент местной панк-бандой, и помочь им на разогреве было некому. Но тут лидер группы, Крис Арнетт, вспомнил, что его кузина Джилл Бэйн похвасталась, что сколотила у себя в Виктории команду из школьных подруг. Крис встретил Dishrags на паромной переправе. Девочек оказалось трое, им было от 14 до 15 лет (а не шестнадцать, как думал Ник Джонс). Джилл Бэйн, принявшая имя Джэйд Блэйд, играла на гитаре и пела. На басу отчаянно рубила Крис Лалонд, назвавшаяся по такому случаю Дэйл Пауэрс. Барабанщица Кармен Мишо скрылась под псевдонимом Скаут. История не сохранила обстоятельства этого отжига. Известно лишь, что один из фанатов прихватил из клуба пачку нераспроданных билетов, которые сохранились и спустя тридцать лет стали ценным сувениром. Ну а девочки после концерта были вынуждены вернуться в школу, и им стало не до музыки.

Следующее появление на публике состоялось в апреле 1978 году, когда Dishrags сыграли с едва появившимися, но уже легендарными DOA. К этому времени Furies распались, и девочки из Dishrags шутили, что они «старейшая панк-группа Британской Колумбии». Тем не менее Dishrags вдохновили местных девушек-панков взять в руки гитары, и некоторые из них действительно сумели закрепиться на сцене. Но у самих Dishrags дела застопорились. Они не пропускали ни одной панк-вечеринки, но всегда были вынуждены играть всего лишь на разогреве у коллег-мужчин — пусть даже это были такие монстры панк-рока как Clash и американцы Avengers. С Clash у девушек была долгая история общения.

Джэйд Блэйд: «С годами Clash становились менее дружелюбны. В свой первый концерт они были очень воодушевлены, потому что это был их первый приезд в Северную Америку. Они вышли из клуба «Ветряная мельница» ночью перед концертом, чтобы пообщаться с местными панками, и потом мы с ними обедали — тоже за кулисами, перед концертом в «Коммодоре». Обед был абсолютно нервным, ведь это были наши кумиры. Я ничего не могла есть, так нервничала. И Бо Дидли тоже там был, прямо

в афише — Dishrags, Бо Дидли, и Clash. Clash позвали его за компанию, потому что у них было много риффов, навеянных Дидли. А в следующий раз мы их видели в «Парамаунте», они вышли к нам и трясли нам руки и были достаточно приветливы. Ну а затем во время концерта в «Колизее», они, возможно, не даже знали, что мы были в зале, ведь мы были полностью изолированы и не видели их вообще. У них были абсолютно отдельные гримёрки и много чего ещё». На концерте в «Коммодоре» Dishrags исполнили на бис одну из песен Clash — Janie Jones. Англичанам, которые в этот момент находились на танцполе, это понравилось, и когда они вышли на сцену, то посвятили девушкам свой хит London's Burning.

Надо было записывать первую пластинку, что группа и осуществила в Сиэтле — на той же студии, где много лет спустя записывалась Nirvana. Работа получила название Past is past и одноимённая песня — пожалуй, лучшее из сделанного коллективом. Но тут группу покинула Дэйл. На её место пришли басистка Ким Хенриксон и вторая гитаристка Сьюзен Макджиллвери. Летом 1980 года в Лондоне был записан второй небольшой диск — Death in the family, ради смеха выпущенный с фальшивым логотипом RCA Victor. Продюсерами записи выступили Крис Спеддинг, слегка пригладивший звук группы, и Билл Непьер-Хеми из ванкуверской панк-группы Pointed Sticks — будущий муж Джэйд Блэйд. Казалось, Dishrags готовы к записи полноформатного альбома, но вместо этого к концу лета группа распалась. «Честно говоря, просто пришло время. Я не думаю, что было бы хорошей идеей продолжать. У нас хорошо всё получалось, только пока мы были молоды и впечатлительны», — вспоминала впоследствии Джэйд.

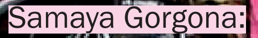
Эпизодически девушки ещё продолжали играть музыку (в том числе и втроём, под названием The Raisinettes), но в целом «прошлое» и впрямь осталось в прошлом. Жизнь их разбросала по всей Британской Колумбии: басистка Дэйл обосновалась в Нанаймо (55 километров от Ванкувера), а барабанщица

Скаут — на Солтспринг-Айленд. Что же касается Джэйд Блэйд, то она счастлива в браке, у неё двое детей. В основном Джэйд занимается тем, что преподаёт историю искусства в университете Фрезер Волли в Эбботсфорде. Поначалу она продолжала играть музыку вместе с мужем и Родни Грэмом из UJ3RK5 в составе проекта Volumizer, для которого писала песни, но потом бросила это дело. «Я люблю музыку, но никогда не буду посвящать ей полный рабочий день — а мне не особенно интересно ездить на заднем сиденье автомашины», — со смехом призналась она репортёру «Ванкувер сан».

Став частью истории канадского панк-рока, Dishrags не были забыты. В 1997 году их немногочисленные записи были отреставрированы и переизданы — включая сохранившиеся концертные кавер-версии Лу Рида, Ramones и Clash. Подруги не потеряли духовной близости и в 2006 году воссоединились, чтобы сыграть вместе с возрождёнными Furies на концерте по случаю тридцатилетия ванкуверской панк-сцены. После этого Dishrags эпизодически выступали до 2010 года. В мае 2014 года местный лэйбл выпустил на виниле полное собрание сочинений команды — двадцать песен под названием Three.

Лес Уайсмэн: Dishrags играли жизненно необходимый панк-рок и были далеко впереди местной сцены. Я помню, Терри Дэвид Маллиган издевался над ними в «Битве групп» в Зале Рока Гарри Тейлора. «Они даже не группа», — сказал он. Я ответил: «Они — единственная, чёрт побери, группа, и ничего ближе к рок-н-роллу на этой сцене сегодня вечером вы не увидите». Кроме этого они были очень хорошие люди, очень спокойные и, как маленькие сёстры милосердия, были готовы заботиться о всех, кто пострадал в драке или был слишком пьян. Они были маленькими мамами нашей сцены».

Статья напечатана в сетевом издании КОНТРАБАНДА в марте 2015 г. http://kbanda.ru/index.php/muzyka/242-muzyka/4934-geroi-pank-roka-po-sredam-ch-25-dishrags-kanada

Samaya Gorgona:

ПОЧЕМУ ЛУЧШЕ БЫТЬ МАТЕРЬЮ-ОДИНОЧКОЙ / К ЧЁРТУ ЗАГС

Я его любила, а он в меня — срал. Через девять месяцев у нас родился сыночек.

История совершенно тривиальная: мне 22 года, только закончила университет, на нелегальном хардкор-рейве в Подмосковье познакомилась с парнем, сразу стали жить вместе, недолго разбиралась, что за человек — нам обоим нравился ска-панк и хардтехно, я только заплела дреды, проколола лицо в девяти местах, и мне очень хотелось замуж и ребеночка, непременно мальчика.

Оказалось, что можно забеременеть прямо с первой попытки. Мы расписались (об этом жалею больше всего, дальше объясню, почему).

Общих интересов, помимо хардкора, секса и курения ганджи у нас не оказалось, но это стало понятно со временем. Вообще, когда рождается ребенок, многое становится понятным и очевидным, поэтому очень рекомендую заводить детей только с теми, с кем уже прошли огонь, воду и медные трубы. А можно и вообще не заводить — на хрен они, дети, нужны? Уж точно они не являются доказательством настоящей любви (хотя и должны бы, в идеале).

Когда у меня стал расти живот, мой благоверный объявил мне, что ему не нравится спать со мной в обнимку, потому что он «не высыпается» и ему «не хватает места». Также он сообщил, что не понимает, на кой чорт нужны поцелуи, предварительные ласки и вообще прелюдия к сексу, когда можно просто почпокаться. Конечно, надо было уходить и срочно разводиться еще тогда, но в башке была клубничная жвачка, и я канителилась дальше.

Я работала всю беременность менеджером в ночном клубе, а муж — звукорежиссером на концертах и художником по свету. В последствии оказалось, что четверть своего дохода он тратил на амфетамин и дудку, а я, дура, экономила на всем и была уверена, что у нас все «устаканится».

В роддом я поехала одна — пьяного будущего папашу было не добудиться, а если бы и разбудила, он, скорее всего, долго орал бы и ругался. В таких отношениях может находиться только неопытная женщина, у которой большие проблемы с самооценкой и которая вообще не разбирается в мужчинах.

Когда я родила, лучше не стало. Ребенок — большое испытание для пары, жизнь первые несколько лет крутится вокруг малыша, и нет возможности продолжать быть эгоистом. Мы оба любили вечеринки, тусовки, только для меня все закончилось (ну, не совсем, конечно) с рождением малыша или даже во время беременности, а для него — нет.

Я думала, у нас получится такая весёлая, необыкновенная семья, я думала, мы — люди новой формации, и ребенок скрепит нашу любовь. Мне понадобилось ещё три года, чтобы окончательно осознать, что никакой любви — с его стороны — не было и в помине.

Самой большой ошибкой была регистрация брака. По закону, если пара в браке, отцом ребенка автоматически становится супруг. Значит, у него будет оформлено отцовство и следующие 18 лет ты будешь вынуждена получать его согласие, если захочешь изменить имя/фамилию ребенка, свозить ребенка за границу, отправить ребенка учиться зарубеж, прописать ребенка в другую квартиру, получить гражданство другой страны для ребенка и т.п. Брать его

письменное согласие во всех этих и некоторых других случаях — твоя обязанность по закону, обойти ее почти невозможно либо крайне сложно, дорого, долго и нервозатратно.

А теперь — какие же у отца обязанности? А никаких! Ни один суд, ни один сотрудник опеки, никто не будет отслеживать, платит ли отец алименты на ребенка в случае вашего расставания или приносит ли деньги в семью в случае, если вы живете вместе. Все эти законы — … . Ты можешь отсудить себе алименты – и они все равно до тебя не дойдут. Это — на практике — дело исключительно добровольное, и права ребенка, так же, как и права матери, не защищает никто. Я уж не говорю, что никто не может обязать отца любить ребенка и заботиться о нём. Иные папаши бывают такие, что уж точно стоит обойтись без их участия ради счастья и здоровья ребенка и тебя.

Зато вот по новому закону, о котором я узнала из объявления в женской консультации, всем одиноким матерям, родившим с 01.01.2018 г., полагается ежемесячная выплата размером МРОТ, то есть 15 тыщ рублей на ребенка — в принципе, уже не сдохнет от голода, хотя что ты на практике будешь делать с дитём в Москве на 15 тыщ? Но хотя бы уже что-то. То есть, исходя из этого закона, как я и предполагала по собственному опыту, безопаснее быть матерью-одиночкой. Особенно, если у тебя в башке на момент беременности сплошной панк-рок.

Ну и если вам интересно, как разрулилась моя семейная драма – когда ребенку было полгода, я уехала жить в Индию, на Гоа. Папаша присоединился к нам, и мы долбили друг другу мозг еще чуть больше двух лет, пока он не «флипанул» от смеси разных наркотиков и моё чертово сознание совершенно не просветлилось: ведь правы индусы, глупость — это грех. Жизнь среди хиппанов и панков со всего мира на берегу моря в райском местечке пошла на пользу и мне, и моему сыну, об этом я отдельно как-нибудь расскажу.

Samaya Gorgona

актриса, дизайнер фетиш-одежды и модель, представитель нового поколения фриков Гоа, принцесса панка психоделического образа. www.samaya-gorgona.com

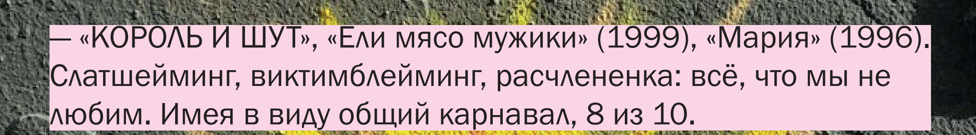
Участницы филологического клуба «Талия»:

ПАНК-РОК-СЕКСИЗМ

Панк-сцена, как и любое другое явление, субкультура или сообщество, не свободна от сексистских предрассудков. В некоторых случаях она подвержена им даже в большей степени из-за своей закрытости, института репутации и превратно истолкованного образа «рок-героя». Ни для кого не секрет, что некоторые группы открыто транслируют через свои песни доброжелательно-сексисткие установки, патерналистское и/или потребительское отношение к женщинам, а также гомофобию, при этом продолжая ассоциироваться с левым, анархистским, антифашистским движением. Мы находим это как минимум непоследовательным и даже вредным. Это статья не призвана разделить группы на хорошие и плохие, прогрессивные и нет, меньше всего нам хотелось бы превращаться в полицию сцены. Но если этот обзор поможет музыкантам упомянутых или других групп взрастить в себе большую ответственность, а слушателей чаще рефлексировать над записями любимых групп, мы будем считать, что материал упал в благодатную почву, а панк все еще not dead.

— «НАИВ», «Какая жалость» (2002). Безусловно, песня юности и гимн антагонизма, подразумевается противопоставление лирического рок-героя — озабоченной лишним весом, очевидно, девушке, у которой, однако, «IQ 150», и лишь это позволяет охладить пыл мачо. Не самое дно, безусловно, но все же по шкале панк-сексизма 2 из 10.

— «ТАРАКАНЫ», «Просто сделать это» (2009), «Плохие танцоры» (2013), «Много телок и пива» (2000). Сид, к’мон, ну не могут эти песни соседствовать с любовью со сто первого взгляда, только за это 9 из 10.

— «КОРОЛЬ И ШУТ», «Ели мясо мужики» (1999), «Мария» (1996). Слатшейминг, виктимблейминг, расчлененка: всё, что мы не любим. Имея в виду общий карнавал, 8 из 10.

— DISTEMPER, «Твои большие сиськи» (1993). Все мы, вероятно, залихватски орали эту песню году эдак в 2005, но так ведь нельзя! 6 из 10

— «СМЕХ», «Отсоси у меня» (2007), «Мысленный кризис» (2008). Ставим 7 из 10, спасает лишь «Минимум-максимум», саундтрек, вероятно, не одной влюбленности.

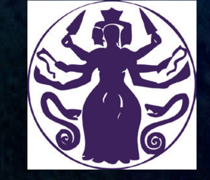
— «БЛОНДИНКА КСЮ» (предположительно), «Эмо-бой». Да-да, не только парни. Социализированная в женском гендере Ксю вполне может проецировать сексистские стереотипы: «Все пацаны как люди живут: хлещут портвейн...» — ну и так далее, нет-нет, вынуждены раздосадовать, 5 из 10.

Назвать эту заметку исчерпывающей было бы в корне неверно. Групп сотни, но мы намеренно упомянули только самые громкие имена. Погружаясь в пучины андерграунда, можно встретить похожую лирику, а зачастую и действия в отношении женщин, которые легитимируются такими песнями. Мы призываем слушателей и музыкантов вернуть социальную повестку в панк-рок, снова сделав его угрозой. Угрозой зашоренному обывательскому мышлению, предрассудкам и стереотипам.

ЯНКА СМЕТАНИНА. 2017
ИЗ СЕРИИ «ТЕЛО»

СОДЕРЖАНИЕ

ROSA LUXEMBURG STIFTUNG
ФИЛИАЛ В МОСКВЕ

WOMEN
IN
PUNK
18 +